

УДК 1(091)

**«РОССИЯ-ЕВРАЗИЯ» П.Н. САВИЦКОГО И НАСЛЕДИЕ
В.И. ЛАМАНСКОГО: ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ «МИРЫ»**

П.А. Павлов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена работам В.И. Ламанского «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» и «Три мира Азийско-Европейского материка» и П.Н. Савицкого «Европа и Евразия», представляет собой сравнительный анализ их географических и социокультурных концепций. Рассматриваются понятия «средний мир» и «Россия-Евразия», Россия как «мир» и «континент». Подвергается первоначальной проверке предположение о позднем славянофиле В.И. Ламанском как возможном предшественнике евразийцев.

Ключевые слова: *Россия-Евразия, евразийство, славянофильство, историко-культурные особенности, культурно-исторические элементы, прогресс, европеизация.*

В современной России немалое внимание уделяется вопросу о принадлежности нашей страны множеству европейских или азиатских государств. Признавая необходимость обращаться в полемике к мнению мыслителей прошлого, многие ссылаются на творчество представителей такого историософского движения, как евразийство.

Выделение России и сопредельных территорий в особый «мир», отличный как от Европы, так и от Азии, привлекающий к евразийству особое внимание, не является, однако, изобретением представителей этой школы. Тем не менее во избежание путаницы в словоупотреблении имеет смысл назвать эту центральную для всего движения мысль «евразийской идеей» как таковой, в отличие от всего множества идей, разделяемых теми или иными евразийцами. Для того чтобы прояснить генезис этой собственно евразийской идеи, впервые изложенной в статье П.Н. Савицкого «Европа и Евразия», мы обратимся к трудам русского слависта XIX в. В.И. Ламанского, придерживавшегося славянофильских взглядов и критиковавшего, в связи с этим, традиционное деление на части света. Сравнительный анализ текстов Ламанского и «Европы и Евразии» как первой значительной работы Савицкого позволит обозначить один из возможных корней евразийства в контексте отечественной историософии посредством выявления основных базисных черт сходства их воззрений при отсутствии в статье Савицкого прямых ссылок на сочинения предшественника.

Прежде чем приступить к сравнению, стоит рассмотреть статью П.Н. Савицкого как полемическую работу. «Европа и Евразия» была написана в 1921 г. как отклик на книгу князя Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» (1920). Во время написания книги её автор ещё не был «евразийцем» в том смысле, что речь у него не шла о России как особой евразийской цивилизации. В то же время Савицкий уже в период Гражданской войны использовал поня-

тие «Евразия» в смысле, который будет присущ ему в последующих работах [1, с. 632]. «Европа и человечество», что явствует даже из названия, делает основной акцент именно на «Европе» или цивилизации «романо-германцев», на языке книги, не уточняя, какая именно часть «человечества» должна противостоять агрессии этой цивилизации и её претензии на исключительность. В статье «Европа и Евразия» под антиколониальную утопию Трубецкого положен географический субстрат. Савицкий упрекает Трубецкого в призыве к признанию равноценности и несоизмеримости всех народов и культур и полному отрицанию понятия прогресса и всяких попыток градации человеческих обществ по ступеням развития. По его мнению, равноценность народов возможна в сфере духовной (сфере «идеологии» на языке статьи), в то время как в области материальной – в науке и техническом (военном и промышленном) развитии существуют как прогресс, так и градация по ступеням развития [4]. Исходя из вышесказанного, Савицкий полагает «пустым звуком» призыв Трубецкого бороться с романо-германской цивилизацией, обращенный ко всему человечеству, однако видит возможной такую борьбу, если её будет вести конкретная цивилизация, равновеликая западноевропейской и предлагает в качестве такой цивилизации Россию [4]. Обоснование целостности и самостоятельности России как особого «мира» и «России-Евразии», содержащееся в третьей главе «Европы и Евразии» является первым положительным изложением собственно евразийской идеи. Именно этот фрагмент статьи П.Н. Савицкого мы и сравним с работами В.И. Ламанского «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (1870) и «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892).

В.И. Ламанский в противовес привычному делению на Европу и Азию предлагает собственную трёхчастную модель: «три крупные части, три великих отдела или мира, каждый со своими, исключительно ему свойственными, географическими, этнологическими и историко-культурными особенностями <...> 1) собственная Европа, 2) собственная Азия и 3) средний мир, т. е. ненастоящая Европа и ненастоящая Азия» [3, с. 185]. Причём под Европой понимаются именно западноевропейские страны, населённые романскими и германскими народами, славян мыслитель относит, исходя из своих славянофильских представлений, к «ненастоящей Европе». Более того, именно без этих территорий с проживающими на них народами существование «среднего мира» немислимо. Ламанский пишет: «шестая часть света, Россия, получает почти полный вид особого самобытного материка только с приложением к ней остальной восточной, закарпатской и задунайской, греко-славянской Европы, которая ни судьбами своими, ни этнографическим составом, ни географическим характером, с одной стороны, не походит на западную, романо-германскую Европу, а с другой – без России, на которую опирается, не составляет одного самостоятельного целого» [2, с. 82]. Подобным образом рассуждает в статье и П.Н. Савицкий: «Россия как по своим пространственным масштабам, так и по своей географической природе, единой во многом на всем ее пространстве и в то же время отличной от природы прилегающих стран, является “континентом в себе”. Этому континенту, предельному “Европе” и “Азии”, но в то же время непохожему ни на ту, ни на другую, подобает, как нам кажется, имя “Евразия”. <... Вместо обычных двух на материке “Старого Света” мы различаем три континента: Европу, Евразию и Азию» [4]. Для сопоставления точек зрения мыслителей важен также следующий фрагмент «Евро-

пы и Евразии»: «Россию мы отождествляем с Евразией. <...> Но не только в географических определениях смысл предлагаемого изменения формулировок. Это изменение ориентировано также на определенные культурно-исторические обстоятельства: учитывая то, что с понятиями “Европа” и “Азия” связаны у нас некоторые культурно-исторические представления, мы заключаем в имя “Евразия” некоторую сжатую культурно-историческую характеристику того мира, который иначе называем “российским”, – его характеристику как сочетания культурно-исторических элементов “Европа” и “Азия”, не являющегося в то же время, в полной аналогии с природой географической, ни Европой, ни Азией» [4]. Мы видим, что оба автора пользуются трёхчастным делением Евразийского материка взамен привычного двухчастного, выделяют Россию и сопредельные ей территории в качестве «материка» или «континента», подобно тому, как Европа традиционно отделяется от Азии, несмотря на отсутствие достаточных географических оснований. Кроме того, оба мыслителя применяют понятие «мир» в схожем специфическом значении, сопряжённое, по всей видимости, с понятием «культурно-исторические элементы» или «историко-культурные особенности», дополняемых у Ламанского особенностями этнографическими и географическими. В связи с возникновением нового «материка», называемого Савицким «Евразией» и не имеющего определённого имени у Ламанского, возникают два основных вопроса: основания выделения именно этой территории в таком качестве и границы её с соседними «мирами». Частично на этот вопрос отвечают приведённые выше выдержки, однако для полноты понимания следует вновь обратиться к тексту.

Обосновывая бытие «среднего» мира как отдельного «материка», Ламанский пишет: «резко отличаются Восток и Запад своим общим географическим характером. Относительно распределения гор и равнин, суши и воды, матерой земли и береговой линии романо-германский запад без своих не европейских владений наделен так равномерно, что почти правильно разделяется на шесть более или менее равных частей – Скандинавию, Великобританию, Германию с Голландией и Францию с Бельгией, Италию, и Испанию с Португалией. ...на нашем греко-славянском востоке преобладает и господствует однообразие равнин и степей, которое вместе с развитием больших речных систем помогло и содействовало образованию одного многочисленного народа и громаднейшего государства» [2, с. 77]. Так же часто он рассматривает как аргумент характер морских берегов: «От настоящей Европы и от настоящей Азии отличается Россия и крайне бедным развитием береговой линии, ибо, за исключением неудобных для мореплавания омывающих русские пределы Северного и Великого океанов, в России приходится 1 береговая миля на 175 кв. миль суши» [3, с. 199]. Всё это влечёт, в одном случае, к образованию ряда самостоятельных приморских государств, примерно равных друг другу, в другом – к возникновению единой континентальной державы. В связи с этим мыслитель приходит к выводу о том, что «учения о так называемых универсальных, великих и малых державах, о системе политического равновесия и пр. имеют чисто местный, частный западноевропейский характер, основаны только на романо-германских исторических и географических условиях и во все ни с какой стороны не применимых ни к России, ни к Северной Америке, ни даже к Великобритании» [2, с. 78]. П.Н. Савицкий также использует географические доказательства, однако его аргументация имеет свои особенно-

сти: «в чисто географическом смысле Россия в границах 1914 г. или, вернее, в своих частях, лежащих на восток от меридиана Пулкова (берем искусственные пределы, так как естественная граница отсутствует), представляет собой ...наиболее континентальный мир из всех географических миров того же пространственного масштаба, которые можно было бы выкроить на материках земного шара. <...> Почти на всем своем протяжении она обладает климатом, единым во многих основных своих чертах и в то же время существенно отличным от господствующих климатов “Европы” и “Азии”» [4]. Существенными характеристиками этого климата Савицкий видит умеренное количество осадков и весьма широкую амплитуду колебания температур в течение года. Кроме того, немалое значение придаётся им характеру расположения почв, высотнопоясному в Европе и широтно-поясному в Евразии: «В отношении почв той скрепой, которая накрепко связывает части России, лежащие по одну и по другую сторону Уральского хребта, является полоса черноземов, которая простирается от пределов Подолии до Минусинских степей и в то же время не имеет никаких аналогий среди почв “Европы” и “Азии”» [4]. Присутствует также пересечение аргументов, так, например, Савицкий пишет о том, что «Основным топографическим элементом России как географического целого являются три равнины <...> единое во многих отношениях, равнинное пространство. Россия представляет собой сочетание этих равнин с частью горных стран, окаймляющих ее равнинное пространство с востока и юга» [4], а в работах Ламанского имеются указания на различия климатов, однако это доказательство употребляется им значительно реже и не развёрнуто. Главное же сходство аргументации обоих мыслителей – это выведение историко-культурных особенностей того или иного «мира» из объективных географических причин, поиск оснований единства или различия народов в сфере географии, а не, например, биологии или социологии.

Границы «среднего мира» или «Евразии» видятся мыслителям различно: западный рубеж «ненастоящей Европы» Ламанский проводит, ввиду своего понимания роли южных и западных славянских народов, по линии Данциг–Триест, т. е. по границе области проживания славян. Савицкий, как видно из вышеприведённой выдержки, проводит условную границу по Пулковскому меридиану, не придавая, таким образом, значения родству племён. Зато принцип проведения границы «среднего мира» с Азией у двух авторов сходен – она отождествляется с государственной границей России, с признанием возможной дальнейшей экспансии. Ламанский пишет: «мы поступаем совершенно правильно, принимая политические границы России с собственной Азией за границы Среднего мира, хотя бы они и вовсе почти не совпадали с границами естественными и этнографическими» [3, с. 230]. Еще более смелое его высказывание: «как бы мы ни преувеличивали значение новейшего движения юных японцев, китайцев, турок, персиян, монголов и татар к сближению с Европой и к принятию ее цивилизации, однако, в самом благоприятном для них предположении тут ничего иного нельзя ожидать, как постепенного и более мягкого подчинения этих народов Европе и России» [3, с. 193]. Таким образом, ратуя за восстановление национальной справедливости в виде освобождения от иноземного гнёта и объединения славян на западе, мыслитель согласен на любую границу на востоке (юге), лишь бы она простиралась как можно дальше. В свете подобных высказываний весьма сложно заподозрить В.И. Ламанского в ан-

тиколонизме, что предполагает различие между его позицией и точкой зрения Савицкого, статья которого куда более уточняет, чем оспаривает основные тезисы «Европы и человечества» – работы, безусловно, антиколониальной. Говоря о мире, который должен противостоять «Европе», Савицкий пишет: «в этом мире этнографическая Россия играет центральную и определяющую роль. Но было бы совершенно не правильно то культурно-историческое противопоставление, нарастание которого мы можем осязать в современности, сводить к противоположению Европе России как этнографического целого. Противоположение это питается и в идеологическом, и в милитарном отношении силами не одной этнографической России, но целого круга примыкающих к ней туранских, монгольских, арийских, иверских, финских народов. <...> Даже исключительно в целях учесть такое соучастие нероссийских элементов в некотором общем с этнографической Россией действии было бы правильно Россию, в ее противопоставлении “Европе”, именовать “Евразией”» [4]. Здесь речь идёт об инородцах внутри самой России, однако мыслитель предполагает экстраполяцию этих отношений и на другие страны и их народы: «К границам России примыкает ряд народов и стран, которые, не входя в пределы России и стремясь в большинстве случаев сохранить полную свою политическую от нее независимость, связаны, однако, с Россией некоторой общностью духовного склада и отчасти расовых и этнографических свойств. Страны эти не являются «романо-германскими», но в ряде случаев так же, как и Россия, служили и служат объектом “европеизации”. В то же время многие из них заключают в своем прошлом и настоящем залог духовного своеобразия. Народы и страны эти, весьма вероятно, могут стать союзниками России или примкнуть к ней в ее культурно-историческом противопоставлении “Европе”. Не исключено, что это случится (а отчасти уже и имеет место) в отношении некоторых славянских народов, турок, персов, монголов, застенного Китая» [4]. Очевидно, что славяне перечислены в числе возможных союзников, однако наряду с остальными, неродственными народами, что станет характерной особенностью евразийцев в сравнении, как со славянофилами, так и с современными им националистами. Здесь также видно значительное различие во взгляде на инородцев внутри России: если у Ламанского им лишь предстоит приобщаться к культуре через общение с главенствующим народом, то Савицкий признаёт вклад инородцев в общее дело становления русской культуры и государственности. Однако является ли различие колониального экспансионизма Ламанского и антиколониального экспансионизма Савицкого принципиальным или только терминологическим? В своей статье Савицкий задаётся вопросом: «поскольку Россия в своем противопоставлении “Европе” вовлекает в свой лагерь целый ряд иных нероссийских народов, не означает ли для этих народов такое вовлечение простую смену ига “романо-германской” культуры игом культуры российской? Отвечая на такой вопрос, следует прежде всего отметить, что и народы Евразии не однохарактерны друг другу; их культурные потенции различны, и, например, то, что может относиться к тунгусам, не относится к башкирам и киргизам, а тем более к туркам и персам. Жизнь жестока; и на слабейших народах Евразии может тяготеть российское иго, однохарактерное игу романо-германскому» [4]. Таким образом, признавая влияние инородцев в прошлом и их значение в настоящем, мыслитель вовсе не обещает им непререкаемых самостоятельности и равенства в будущем, хотя и пишет о том, что

«Евразия есть область некоторой равноправности и некоторого “братания” наций, не имеющего никаких аналогий в междунациональных соотношениях колониальных империй» [4]. Здесь мы убеждаемся, что, подобно В.И. Ламанскому и в отличие от Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкий признаёт градацию различных народов по ступеням развития, пусть и не распространяет её на сферу «идеологии», о чём он заявлял в вышеприведённых цитатах из первых глав статьи «Европа и Евразия».

Борьба В.И. Ламанского с универсализмом, теорией общечеловеческой цивилизации и традиционным делением истории на Древнюю, Среднюю и Новую, схожая с положениями «Европы и человечества», не имеет серьёзных пересечений с текстом статьи П.Н. Савицкого, скорее всего, именно из-за характера статьи, являющейся откликом на книгу Н.С. Трубецкого, попыткой «рациональной и эмпирической постановки проблемы» на основании уже сказанного Трубецким. Читатель статьи должен был прежде ознакомиться с текстом «Европы и человечества» или, по крайней мере, составить представление о книге по приведённым в тексте статьи цитатам, поэтому нам стоит считать Савицкого согласным с этими положениями в целом, за исключением оговорок, уже описанных выше. Кроме этого важно отметить, что в первой собственно евразийской работе отсутствует понятие «месторазвитие», чрезвычайно важное для дальнейших евразийских построений, хотя предпосылки теории месторазвития и присутствуют имплицитно в статье (славянские народы перечисляются наряду с неродственными русским народами в числе возможных союзников России в борьбе против Европы, народы России причисляются к творцам культурно-исторического «мира» Евразии). Также отсутствуют в статье рассуждения об особой роли степи и степных народов, характерные для следующих евразийских работ, хотя и признаётся связующее значение полосы чернозёмов, с этими степями отчасти совпадающей.

Проведенный сравнительный анализ воззрений В.И. Ламанского и П.Н. Савицкого на проблему географического базиса социокультурных «миров» свидетельствует о связи воззрений одного из основоположников евразийства со славянофильской традицией, в границах которой достаточно остро представлена критика линейно-прогрессистского, европоцентристского видения истории, рожденного проектом Просвещения, различия между положениями мыслителей соответствуют тем, которые должны наблюдаться между поздним славянофилом и евразийцем. Принимая многие тезисы Ламанского, Савицкий делает их созвучными современной ему общественно-политической ситуации. Высказанная им критика антипрогрессистской и антиколониальной работы Н.С. Трубецкого стала катализатором возникновения евразийского направления в русской историософии, существующего по сей день.

Список литературы

1. Глебов С.В. Евразийство между империей и модерном: история в документах. М.: Новое издательство, 2010. 632 с.
2. Ламанский В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе // Геополитика панславизма. М.: Иститут русской цивилизации, 2010. С.42–183.

3. Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка // Геополитика панславизма. М.: Институт русской цивилизации 2010. С. 183–324.
4. Савицкий П.Н. Европа и Евразия [Электронный ресурс] URL:<http://nevmenandr.net/eurasia/1921-PNS-eur.php>

P.N. SAVITSKY'S «RUSSIA–EURASIA» AND THE HERITAGE OF V.I. LAMANSKY: GEOGRAPHICAL AND SOCIOCULTURAL «WORLDS»

P.A. Pavlov

Tver State University, Tver

The article is focused on the comparative analysis of geographical and sociocultural doctrines expressed in V.I. Lamansky's «A Historical Study of Greco-Slavic World in Europe» and «The Three Worlds of Asia-European continent» and P. N. Savitsky's «Europe and Eurasia». In its format, the concepts of «the middle world» and «Russia–Eurasia», Russia as «the world» and «the continent» are examined. An assumptions that the late slavophile V.I. Lamansky was a possible predecessor of Eurasians is initially confirmed.

Keywords: *Russia-Eurasia, Eurasianism, Slavophiles, historical and cultural specificity, cultural-historical elements, progress, Europeanization.*

Об авторе:

ПАВЛОВ Павел Александрович – аспирант кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», Тверь. E-mail: pavloffpavel@yandex.ru

Author information:

PAVLOV Pavel Aleksandrovich – Ph.D. student of the Department of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: pavloffpavel@yandex.ru